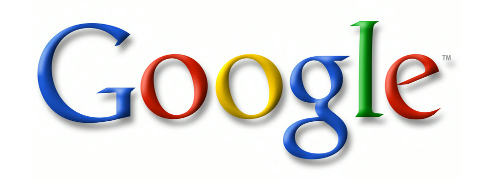
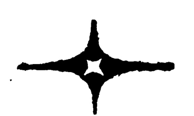

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

ГЕОРГІЙ ЧУЛКОВЪ

ВЕСНОЮ на СѢВЕРЪ

• ЛИРИКА •

«ФАКЕЛЫ»

К-ВО Д.К.ТИХОМИРОВА

1908

БАГРЯНЫЙ СѢВЪ. — ПЕЧАЛЬ. — ШАМАНЪ. — ОБРУЧЕНІЕ.— СОНЕТЫ. — ВЕСНОЮ—НА СѢВЕРЪ. — НА ЧЕРВЛЕНОЙ ДОРОГѢ.

БАГРЯНЫЙ СѢВЪ.

I.

ВЕСНА.

Не бойся, мальчикъ мой, не плачь!
Иди ко мнѣ, мой гость желанный.
Смотри: на вѣткѣ—черный грачъ,
Весны глашатай неустанный.

Пойдемъ-ка въ хижину скорѣй.
Грохочетъ звонко половодье,
И плещетъ въ солнцѣ межъ камней
Русалокъ пѣнное отродье.

Омою ножки я виномъ,
И поцѣлую мягкій локонъ;
Подъ шумъ весенній мы уснемъ
У распахнутыхъ настежъ оконъ.

И тамъ—во снѣ—увидишь ты:
Воскреснутъ на живыхъ полянахъ
Преображенные цвѣты
Въ лучахъ сверкающихъ и рдяныхъ.

Весна надъ нами прошумитъ
Освобожденными крылами,
Деревья, солнце и гранитъ
Зажгутся новыми огнями.

II.

ЖАТВА.

Она идетъ по рыжимъ полямъ;
Въ рукахъ ея серпъ.
У нея на челѣ багряный шрамъ—
Царскій гербъ.
Мѣрно ступаютъ босыя ноги,—
Тихо и мѣрно,
По межѣ, по узкой дорогѣ,
Но вѣрной.

Она идетъ по рыжимъ полямъ,
Смѣется.
Увидитъ ее василекъ—улыбнется,
Нагнется.
Придетъ она и къ намъ—
Веселая.
Навѣститъ наши храмы и села.
На червленой дорогѣ
Шуршатъ-шепчутъ ей травы.
И виновный, и правый
Нищей царицѣ—въ ноги.

Наточимъ острыхъ косъ мы,
Скосимъ золотые стебли —
Овесъ ли, хлѣбъ ли:
Любо намъ, яро!
А царицыны красныя космы
Горятъ огнемъ-пожаромъ.

Отдадимъ мы царицѣ покосъ,
Пусть пьянѣетъ душистымъ сѣномъ;
И до утреннихъ росъ,
Утомимъ ее радостнымъ плѣномъ.

III.

Пьяный боръ къ водѣ склонился,
Берегъ кровью обагрился:
Солнце стало надъ рѣкой,
Солнце рдѣетъ надъ рѣкой.

Взмахи вижу сильныхъ веселъ,
Кто-то камень въ воду бросилъ...
Снова тягостная тишь;
Надъ водою спитъ камышъ.

Не хочу унылой доли,
Сердце жаждетъ дикой воли,
Воли царственныхъ орловъ.
Прочь отъ мертвыхъ береговъ!

IV.

КАЧЕЛИ.

Jm Himmel! Ich glaube, ich falle!
Richard Dehmel.

Я на качеляхъ высоко летаю.
Высоко! Далеко! Вновь сладостный мигъ!
Снова я падаю, снова мечтаю.
Высоко надъ всѣми я радость постигъ.

Снова надъ озеромъ, садомъ я нынѣ,
И крикомъ веселымъ привѣтствую міръ...
Вольно мнѣ въ этой прозрачной пустынѣ,
И радостенъ въ небѣ божественный пиръ.

Я въ непрестанномъ и пьяномъ стремленьѣ...
Мечтанья, порывы—и вѣра, и сонъ.
Трепетно-сладко до боли паденье, —
Мгновенье—деревьевъ я вижу уклонъ,
И новаго неба ко мнѣ приближенье,—
И рвется изъ сердца отъ радости стонъ,—
О, мигъ искушенья!
О, солнечный звонъ!

V.

Я слышу: вѣтеръ повѣялъ въ полѣ,
И стебли плачутъ о новой волѣ,
И Кто-то Странный пришелъ и сѣетъ,
Пришелъ и сѣетъ веселый сѣвъ.
А солнце въ небѣ пожаромъ рдѣетъ,
И льется въ небѣ любви напѣвъ:

Изъ плѣна, изъ плѣна—на волю!
Расторгнемъ и время, и долю—
Печальную долю земли.
О, солнце! О, солнце! Внемли!

VI.

ЗАРЕВО.

Дымятся обнаженныя поля,
И зарево горитъ надъ сжатой полосою.
Пустынная, пустынная земля,
Опустошенная косою!
И чудится за лѣсомъ темный крикъ,
И край небесъ поникъ:
Я угадалъ васъ, дни свершенья!
Я—вашъ, безумныя видѣнья!

О, зарево, пылай!
Труби, трубачъ!
И пѣсней зарево встрѣчай.
А ты, мой другъ, не плачь:
Иди по утренней росѣ,
Молись кровавой полосѣ.

VII.

ПОЭТЪ.

Вяч. Иванову.

Твоя стихія—пѣнный валъ,
Твоя напѣвность—влага моря,
Гдѣ съ волнами сурово споря,
Ты смерть любовью побѣждалъ.

Твоя душа—какъ духъ Загрея,
Что въ страсти горней пламенѣя,
Ведетъ къ вершинѣ золотой
Твоей поэзіи слѣпой.

О, другъ и братъ и мой вожатый,
Учитель мудрый, свѣтлый вождь,
Твой стихъ—лучистый и крылатый—
Какъ солнечный весенній дождь;
И опьяненная свирѣль—
Какъ ярый хмель.

VIII.

Дымитесь, священныя смолы!
Наступаетъ послѣдній день.
Ударитъ молотъ тяжелый,
И покроетъ насъ черная тѣнь.

Весенніе пьяные долы
Хороводомъ встрѣчаютъ насъ;
Дымитесь, священныя смолы!
Наступаетъ послѣдній часъ.

IX.

ПАСТУХЪ.

На сонномъ пастбищѣ глухонѣмой земли
Бродилъ по долгу я среди овецъ покорныхъ:
Такъ пастыремъ я былъ: за мною овцы шли,
Искали травъ живыхъ межъ горькихъ травъ и сорныхъ.

И морды влажныя довѣрчивыхъ овецъ,
И шерсть курчавая и стройность тонкихъ ножекъ
Мнѣ радовали взоръ. Трудился я—пришлецъ,—
Чуждаясь, какъ всегда, протоптанныхъ дорожекъ.

А въ дни осенніе, когда златился листъ,
Я любовался вновь красой земныхъ излучинъ;
Мечту таила грудь. Былъ воздухъ серебристъ.
Я радостно бродилъ со стадомъ неразлученъ.

Но вотъ—Горящій Кустъ: пробилъ желанный часъ;
Услышалъ голосъ я—Іеговы велѣнья.
За мной, мои стада! Веду на жертву васъ...
Мы кровью искупимъ смиренныя томленья,

ПЕЧАЛЬ.

I.

Я на темныхъ поляхъ до разсвѣта блуждалъ
Со слѣпою подругой моей.
Гдѣ-то въ лунной дали мѣднотрубный сигналъ,
Какъ угроза, сурово и долго звучалъ,
Нарушая безмолвье полей.

Колыхался вокругъ млечно-сѣрый туманъ,
И окутала все непонятная сѣть,
Я былъ пьянъ отъ земли и отъ воздуха пьянъ,
И былъ сладокъ предутренній, тонкій дурманъ;
И хотѣлось молиться и пѣть.

И—блѣднѣя—слѣпая подруга моя
Непонятно и тихо склонилась къ землѣ.
Умерла до разсвѣта подруга моя,
На травѣ заросились одежды края,
И рука забѣлѣла во мглѣ.

II.

Приникни, милая, къ стеклу,
Вглядись въ таинственную мглу:
Вонъ тамъ за темною стѣной
Стоитъ, таится спутникъ мой.

Я долго шелъ, и по пятамъ
Онъ тихо слѣдовалъ за мной.
И на углу былъ стройный храмъ.
Я видѣлъ бѣлые лучи
Едва мерцающей свѣчи;
Я видѣлъ странный блѣдный ликъ
И передъ нимъ, какъ рабъ, поникъ.

Приникни, милая, къ стеклу,
Вглядись въ таинственную мглу.
Онъ за стѣною тамъ стоитъ,
Молчитъ темнѣющій гранитъ.
Но мы—вдвоемъ съ тобой, вдвоемъ...
Мы будемъ жить? Мы не умремъ?

III.

ИЗЪ МЭТЕРЛИНКА.

Она подкралась ко дворцу,
— Едва лишь солнце показалось—
Она подкралась ко дворцу.
ВсѢ кавалеры оглянулись,
И дамы молча ужаснулись.

Она стояла у дверей,
— Едва лишь солнце показалось—
Она стояла у дверей.
Царица съ мужемъ приближалась,
Онъ робко спрашивалъ у ней...

Куда идете вы? Куда?
— Едва свѢтаетъ, берегитесь—
Куда идете вы? Куда?
Васъ кто-нибудь тамъ ожидаетъ,
Она не внемлетъ, поспѢшаетъ.

И къ Неизвѣстной внизъ сошла
— Едва свѣтаетъ, берегитесь—
И къ Неизвѣстной внизъ сошла.
Ее та молча обняла.
Онѣ ни слова не сказали
И гдѣ-то въ сумракѣ пропали.

И плакалъ на порогѣ мужъ,
— Едва свѣтаетъ, берегитесь—
И плакалъ на порогѣ мужъ.
Шаги таинственно звучали
И листья, падая, шуршали.

IV.

Н. Г. Ч—ой.

Вокругъ тайга шумѣла дико,
Но ты пришла ко мнѣ въ юрту,
И я съ твоей тоской великой
Вновь сочеталъ мою мечту.

И край нѣмой, и край таежный
Лохматую открылъ намъ грудь;
О, долъ таинственно-тревожный,
Твоей свободы не вернуть.

Бывало, въ ледяной пустынѣ
Мы ждали радостныхъ огней;
За рубежомъ томимся нынѣ—
Невнятны для глухихъ людей.

Освобожденія ревнитель—
Я наканунѣ злой бѣды;
И рухнетъ милая обитель,
И будутъ срублены сады.

Вдругъ пролетитъ надъ чистымъ лугомъ
Суровый, какъ въ тайгѣ, летунъ;
Я буду пораженъ недугомъ
Завороженный чудомъ струнъ.

И ты склонишься надо мною,
И тайный вспомнишь свой обѣтъ:
Тогда безстрашною душою
Личинѣ мертвой скажешь: «Нѣтъ!»

V.

О, мать моя! Святая мать!
Мнѣ надо повѣсть дописать...

Прости вечерній злой обманъ;
Дымится кровь багряныхъ ранъ.

Тоскою странной дышитъ грудь,
И дней крылатыхъ не вернуть.

И вотъ таинственную вязь
Веду, надъ книгою склонясь.

Невѣрный свѣтъ святыхъ лампадъ—
Какъ медленный и горькій ядъ.

Смѣшались киноварь и кровь:
Гдѣ сказка злая? Гдѣ любовь?

Отвѣта нѣтъ. Горитъ вѣнецъ;
Пылаетъ темный багрянецъ.

Что знаю я, святая мать?
Мнѣ надо повѣсть дописать...

VI.

Л. И. Р—ой.

И смерть казалась близкой, близкой,
И въ сердцѣ былъ и свѣтъ, и сонъ.
И опустились звѣзды низко
На полунощный небосклонъ.

Изъ комнаты звучало пѣнье
Моей тоскующей сестры.
Подъ звѣздами мои мученья
Горѣли, какъ въ поляхъ костры.

И пахло влагою и сѣномъ.
Хотѣлось землю лобызать,
И, опьянившись милымъ тлѣномъ,
Здѣсь, на землѣ, дышать, дышать...

VII.

И новый день угаснулъ и поникъ.
Чернѣетъ тѣнь на дрогнувшей землѣ.
Не слышенъ на поляхъ призывный крикъ;
И серебрится вновь межзвѣздный ликъ;
О, братъ земли, плывущій въ бѣлой мглѣ!

Таинственный! Коснулся ты меня;
Я чувствую дыханье бѣлыхъ устъ;
О, чары странныя холоднаго огня,
Я—вашъ! Я—вашъ! Забылъ призывы дня:
Безлунный міръ невнятенъ мнѣ,—и пустъ.

VIII.

ОСЕНЬ.

По аллеямъ темнымъ, темнымъ
Осень пьяная бредетъ,—
Взоромъ страннымъ и нескромнымъ
За собой во меракъ зоветъ:

Ты иди за мной, прохожій,
Выпьемъ въ радости стаканъ;
Отдохнешь на бѣломъ ложѣ
И любовью будешь пьянъ.

Золотыя видишь косы?
Будешь ихъ въ ночи ласкать,—
А суровые вопросы
Будешь завтра разрѣшать.

Пусть объятія случайны:
Скоротать бы только ночь;
Только бъ тайну темной тайны
Пьяной лаской превозмочь.

IX.

ВЪ ТЮРЬМѢ.

И опять она стучитъ
Черезъ толщу старыхъ плитъ.

Стукомъ мѣрнымъ,
Стукомъ вѣрнымъ
Сердце слабое туманитъ.

Часовой въ оконце взглянетъ:
Тихо станетъ.

Но опять упорный стукъ:
Два и три, два и три—
Неизвѣстныхъ милыхъ рукъ
Мѣрный стукъ:
Два и три, два и три.

Только разъ въ мое оконце
Мнѣ пришлось—весной—при солнцѣ
Видѣть ясное лицо
Арестантки чернобровой...

«Съ той поры мои оковы—
Обручальное кольцо.»

X.

СМЕРТЬ.

Смерть—любовница временъ:
Взлетъ орлиный надъ полями—
Будто въ небѣ вѣчный сонъ,
Возлелѣянный мечтами.

Смерть сметаетъ смѣло пыль,
Вѣетъ вѣтромъ въ сонномъ полѣ;
О, крылатая, не ты-ль
Напѣвала мнѣ о волѣ?

Въ полѣ—темные кресты:
На крестахъ—отцы и братья,—
Къ алтарю небесъ мосты
Черезъ муки и распятья.

На крестѢ и я распятъ,
И копьемъ ребро пронзили,—
Тихимъ сумракомъ объятъ,
Чую шелесты воскрылій.

Смерть и воля—все равно,
Только пусть любовь алѢетъ,
Пусть пьянѢй пьянитъ вино,
И пьянѢе вѢтеръ вѢетъ.

XI.

Нюрѣ.

Прозвенѣла весна,
Прошумѣли грозы;
Я стою одна.
Обжигаютъ слезы.

Я душистую траву
На̀-земь уронила;
Я живу и не живу:
Сердце погубила.

Что любовь-ворожба?
Огонекъ во полѣ!
Напѣваетъ судьба
О желанной волѣ.

Милый по̀-полю идетъ,
И вѣнецъ сіяетъ.
Ахъ! узнаетъ ли народъ?
Вѣрно, не узнаетъ.

ШАМАНЪ.

ШАМАНЪ.

ОТРЫВКИ НЕОКОНЧЕННОЙ ПОЭМЫ.

1.

Прощай, прощай, великая Тайга!
Твой многоликій сонъ храню въ душѣ ревниво.
На вѣкъ во мглѣ застыли берега;
Олени бродятъ молчаливо;
Шаманскій плясъ и пепелъ камелька;
Якутскій говоръ—рѣчь полуслѣпая:
Тамъ черная любовь свободна и легка.
Покинулъ я тебя, страна святая!

Но и здѣсь, въ чужой странѣ,
Вновь Тайга приснится мнѣ.

Буду, буду долго вѣрить
Въ сказки древнія Тайги,
Гдѣ святые бродятъ звѣри,
Гдѣ шуршатъ во мглѣ повѣрій
Непонятные шаги...

2.

Изъ пустыни темноликой
Прихожу на площадь нищій:
Нѣтъ ни крова мнѣ, ни пищи.
Я одинъ въ тоскѣ великой.

Ты возникъ, о Змѣй-Драконъ,
На краю моей пустыни.
Я пришелъ къ тебѣ. И нынѣ
Будешь мною побѣжденъ.

Слушай, слушай, Городъ-Змѣй!
Буду бубномъ ворожить,
Въ пляскѣ огненной моей
Буду костью въ бубенъ бить.

Твердой дробью твердыхъ рукъ
Выбиваю звонкій звукъ
Все скорѣй, скорѣй, скорѣй,
Звонче, громче и смѣлѣй

3.

И совершилися заклятья:
Со мной опять—моя Тайга,—
Шаманки темныя объятья,
И новой воли берега.

И теперь со мной она
Ночью долгою шаманитъ,
И, когда скользитъ луна,
Сердце бубномъ властно ранитъ.

4.

Твердой дробью твердыхъ рукъ
Выбиваю звонкій звукъ.
Все скорѣй, скорѣй, скорѣй,
Звонче, громче и смѣлѣй.

Костью въ бубенъ звонко бью,
Душу Солнцу отдаю.
Дадага-хара-дарханъ!
Каплетъ кровь изъ темныхъ ранъ.

Въ небѣ яростный кузнецъ,
Золотой на немъ вѣнецъ:
Дадага-хара-дарханъ—
Темноогненный шаманъ.

Въ небѣ хуромъ ворожитъ,
Тяжкимъ молотомъ стучитъ,
Солнцемъ-бубномъ яро пьянъ
Дадага-хара-дарханъ.

ОБРУЧЕНІЕ.

I.

Зачѣмъ пришла ко мнѣ въ тайгу?
Зачѣмъ тревожишь рѣчью нѣжной?
Я молчаливо берегу
Мою мечту въ пустынѣ снѣжной.

И Темноокая Жена
Тамъ, гдѣ бѣлѣетъ сонный иней,
Со мной давно обручена,
И черной вѣрой крещена
Въ тайгѣ холодной, темносиней.

И я давно завороженъ
Напѣвомъ яростной метели:
Забылъ весенній тихій сонъ
И звуки радостной свирѣли.

**Въ глухонѣмой душѣ моей
Лишь вѣетъ снѣгомъ грозно вьюга,
И въ дымѣ смольномъ отъ огней
Шаманитъ темная подруга.**

II.

Въ круглой залѣ темной башни
    Пили темное вино.
И потомъ изъ темной башни
    Вышли къ Утренней Звѣздѣ.

И одинъ изъ насъ—усталый—
    Канулъ въ бѣлую метель.
И за снѣжнымъ покрываломъ
    Пѣла нѣжная свирѣль.

Ты рукой своею зыбкой
    Тихо жала руку мнѣ,—
Непонятною улыбкой
    Отвѣчала злой лунѣ.

И багряный свѣтъ изъ оконъ
Знакомъ новымъ былъ для насъ:
Я ласкалъ холодный локонъ
Въ смертный часъ.

III.

Въ темныхъ улицахъ блуждали
При звѣздѣ.
И молились, и молились
По утру.

Колыхался и качался
Злой туманъ.
И въ мученіяхъ рождался
Блѣдный свѣтъ.

И лампады догорали
За окномъ.
Полутемныя печали
Пали ницъ.

Обручилъ насъ новой тайной
Твой отецъ.
О, всегда необычайный
Звонъ колецъ!

IV.

Я вошелъ нежданно въ твой садъ
Въ холодный предутренній часъ;
И услышалъ любви ароматъ,
И увидѣлъ на небѣ алмазъ.

И я руки твои цѣловалъ
Въ неразгаданной злой тишинѣ;
Кто-то звонкой косою бряцалъ,
Пѣсню пѣлъ о щербатой лунѣ.

V.

Я цѣлую тебя жертвенно
 Въ поблѣднѣвшія уста,
Но молитва моя мертвенна
 И пуста.

Облака опять пустынныя
 Вдаль бѣгутъ.
Насъ часы унылодлинные
 Стерегутъ.

Оборвемъ ли нить таинственно
 Въ этотъ часъ?
И простишь ли ты, Единственный,
 Темныхъ,—насъ?

VI.

Она пришла ко мнѣ—желанная—
По темнымъ труднымъ корридорамъ,
И вновь любовью осіянная
Плѣняетъ траурнымъ уборомъ.

И солнце вновь пьянѣетъ весело
И ждетъ исхода изъ печали;
Судьба надежду тайно взвѣсила:
Дала намъ новыя скрижали.

Но та—печальная и строгая—
Поетъ и вѣетъ странной тѣнью;
И медлю, медлю у порога я,
Внимая шелесту и пѣнью.

VII.

Ненадо словъ, ненадо.
Я буду покоренъ и молчаливъ,
И твои уста, полныя яда,
Прижму къ устамъ, вино изъ чаши проливъ.

Ненадо словъ, ненадо:
Будетъ радостенъ тихій обрядъ.
Намъ въ жизни будетъ отрадой
Медленный пить ядъ
И проливать вино изъ чаши,
Жертвуя его тѣнямъ;
И свѣтлы будутъ взоры наши,
И будетъ нашъ уютъ, какъ храмъ.

Ненадо словъ, ненадо:
Все равно міръ умретъ.
Кто придетъ къ алтарямъ иного града?
Кто слова любви пойметъ?

VIII.

Мы ночью заблудились въ залахъ;
Она за нами молча шла,—
И на холодныхъ покрывалахъ
Ложилась тѣнь ея чела.

И въ часъ, когда сомкнулись губы
И палъ на сердце сладкій дымъ,
Ея мучительные зубы
Пугали скрежетомъ своимъ.

И въ мигъ послѣдняго сліянья
Кто знаетъ чудо бытія?
О, Смерть, люблю твое молчанье
И блескъ червонный лезвія.

IX.

Я стучусь въ твой теремъ бѣлый,
Я молю тебя несмѣло:
  Отвори мнѣ, Смерть!

На распутьѣ—въ часъ томленья,
Въ часъ послѣдняго томленья,
  Свѣтъ зажги!

Вижу сдвинутыя брови,
Съ каждымъ часомъ ты суровѣй,—
  Но люблю...

Знаю, знаю: я—незванный,
Я незванный, но желанный,
  Но избранный гость:

Ты всегда со мной играешь
И—азартная—бросаешь
  Роковую кость.

Четъ иль нечетъ? Четъ иль нечетъ?
Голубица или кречетъ?
  Кто умретъ?

X.

БѢГЛЯНКА.

Вѣнчанная крестомъ лучистымъ лань...
Вяч. Ивановъ.

О, лань моя съ влюбленными глазами,
Бѣглянка лунная съ лучистой головой!
Ты, оплетенная коварными сѣтями
И суевѣрною молвой.

Въ душистой заросли тебя подстерегая,
Съ любовью нахожу невѣрный слѣдъ.
Съ крестомъ на головѣ! Таинственно-святая!
Мечта моя! Мечты желаннѣй нѣтъ!

Я вижу: ты идешь, влачишь обрывки сѣти.
Кто вервіе накинулъ на тебя?
Ты—древній сонъ изъ канувшихъ столѣтій—
Уходишь вдаль, надежду вновь губя.

И я иду, соблазну вновь покорный,
И тщетно напрягаю лукъ.
Какъ дали мертвенны! Какъ всѣ дороги черны!
Какъ сладостны томленья темныхъ мукъ!

СОНЕТЫ.

Н. Г. Ч-ой.

I.

Вѣнчанные осенними цвѣтами,
Мы къ озеру осеннему пришли;
Отъ неба тайнъ и до сѣдой земли
Завѣса пала. Острыми лучами

Пронзилось сердце. Чудо стерегли
Вдвоемъ—на камняхъ—чуткими глазами.
И осень, рѣя, вѣяла крылами,
И сны намъ снились въ солнечной пыли.

И вдругъ, какъ дѣти, радостно устами
Коснулись устъ. И серебристый смѣхъ
Вспорхнулъ, пронесся дольними лугами.
Гдѣ лѣтъ былыхъ безуміе и грѣхъ?

И тишиной лишь рѣетъ влажно-нѣжной
Нашъ сонъ любви въ раздольности прибрежной.

II.

Пустынный лѣтній сонъ тайги вечерней
Дымился, тлѣлъ. И золотистый жаръ
Па сердце палъ. Звенѣлъ во снѣ пожаръ
Таежныхъ сосенъ. Можно-ль суевѣрнѣй

Любить тайгу, желать въ любви безмѣрнѣй
Чудесъ неложныхъ—невозможныхъ чаръ?
Такъ мы съ тобой несли священный даръ
На сей алтарь таинственной вечерни.

Вожатаго забывъ на берегу,
Ушли съ тобой въ часовню темныхъ елей,
Въ смолистую и мшистую тайгу.

Подъ шорохъ травъ и лепеты свирѣли,
Въ душистой мглѣ, въ магическомъ кругу,
На мигъ, на вѣкъ любовь запечатлѣли.

III.

Туманная развѣялась любовь,
Въ туманъ ушла невѣрная весталка!
Испепелилась нѣжная фіалка...
Изъ урны черной пью иную кровь.

«Какъ тайный, тайный другъ придешь ты вновь
Къ твоей веснѣ,»—такъ молвила гадалка.
И вотъ стою: и ложе катафалка
Преобразилось въ радостную новь.

И страсть опять блеснула, какъ зарница;
Печальный крепъ любовью обагренъ:
Такъ новая открылася страница

Въ безумной книгѣ огненныхъ именъ.
Тебя люблю, Печальная Царица!
Съ тобою, Смерть, на-вѣки обрученъ.

ВЕСНОЮ НА СѢВЕРЪ.

ВЕСНОЮ—НА СѢВЕРЪ.

Александру Блоку.

Медленно двигались темныя тѣни,
Горѣли, догорали костры.
Безъ надеждъ, безъ волненій
Мы ждали весенней поры
Отплытія вдаль
На паузкахъ медленныхъ.

Солдаты изрѣдка сталью бряцали,
Крикомъ давали знакъ.

Снова длилось молчанье.
И зеленый, зеленый мракъ
Надвигался на таборъ невольный.
И смутны были желанья,
Безбольны.

И женскія плечи подъ темною шалью,
И фляга съ виномъ недопитымъ,
И шорохъ—такой непонятный!—
Все было сердцемъ открытымъ
Принято въ лоно святое
Съ тихой печалью.

Но вотъ на разсвѣтѣ
Застучалъ торопливо топоръ.

Милая даль—какъ невѣста!
Серебристый просторъ.
О, Сѣверъ Дальній!
Плескъ весла...
И тихо, тихо отплывалъ
Отъ стана берега нѣмого
Досчатый паузокъ.

И мы запѣли пѣсню вновь—
Пѣсню вольности-печали,
Мы ее въ огнѣ пѣвали—
Пѣсню, алую какъ кровь.

Скрипъ настойчивый весла;
Кормчаго голосъ;
Бряцаніе томительныхъ цѣпей;
Нежданный блескъ крыла;
Отъ береговъ кривая тѣнь:
Такъ проходилъ пустынный день.

Но день миновалъ,
Наступили иныя мгновенья,
Волны рѣчной лазури темнѣли,
И вѣтеръ вылъ дико,
И бури всѣ ждали,
Великой бури.

Но я не видѣлъ пугливыхъ улыбокъ:
Пусть паузокъ шатокъ и зыбокъ;
Пусть вѣтеръ гонитъ волны;
Пусть гибнутъ и гибнутъ челны:
Я счастливъ, счастливъ безмѣрно
Въ этой жизни, какъ буря, невѣрной.

Да! Когда буря металась,
Когтями въ сердце впивалась,
Я изведалъ новую сладость,
Тайную радость.
Женщина—темная и странная—
Съ нами была на паузкѣ,—
Женщина мнѣ желанная
На шаткомъ паузкѣ.

Да! Когда волны метались,
Какъ хищныя птицы,
И дрожали, дрожали перила,
Медленно она проходила.
О, милыя темныя рѣсницы!
Васъ я увидѣлъ при свѣтѣ факела смольнаго,
Васъ не забуду во вѣкъ!

И я молился бурѣ, какъ раньше солнцу,
Какъ тихой лазури,
Хотя и вѣдалъ,
Что влечетъ меня вѣтеръ въ тайгу,—
Хотя и вѣдалъ,
Что на томъ берегу,
На бѣлой таежной полянѣ,
Въ серебристомъ туманѣ,
На жертвенномъ камнѣ,
Причаститься мнѣ должно кровью.

Пусть вѣтеръ гонитъ волны;
Пусть гибнутъ и гибнутъ челны;
Кто я? Путникъ случайный!
Я извѣдалъ новыя тайны,
Тайны крови и вина,
Выпилъ чашу до дна.

Такъ проходила она въ брызгахъ пѣнныхъ,
И въ очахъ ея неизмѣнныхъ,
Всегда лучистыхъ,
Лучистыхъ,
Я читалъ новыя скрижали
Весенняго завѣта,
Весенней печали.

И вотъ—она, любимая,
Какъ будто несетъ чашу причастія.

Ступени слегка скрипѣли,
И пѣли снасти,—
А во мнѣ былъ пиръ весенній,
И нестрашно было ненастья.

Такъ плыли мы весною—на сѣверъ.

НА ЧЕРВЛЕНОЙ ДОРОГѢ.

I.

Я вернулся, вернулся, Тайга,
Изъ далекихъ и свѣтлыхъ пустынь;
Я иные любилъ берега
И любилъ, и вдыхалъ я полынь.

Горечь сладкая жертвенныхъ травъ
Опаляла мнѣ сердце, какъ ядъ;
И въ вѣнкѣ изъ невинныхъ купавъ
Совершалъ я любовный обрядъ.

Но опять я на черной землѣ
Сожигаю смолистый костеръ;
И въ туманной бѣлѣющей мглѣ
Серебристый мнѣ чудится хоръ.

Это снѣжные духи Тайги
Шлютъ привѣтъ изъ невѣрныхъ глубинъ.
Береги, о Тайга, береги
Бѣлокрылую пѣсню долинъ.

II.

Влажный паръ сѣдыхъ озеръ
Мнѣ ласкаетъ сонный взоръ.
Вѣтви темныя тайги
Шепчутъ: «Тайну береги!»

И во мглѣ мелькаютъ крылья,
И сквозь сонное усилье,
Я смотрю мечтѣ во слѣдъ
И шепчу ей тихо: «Нѣтъ!»

Такъ во мглѣ мелькаютъ птицы;
И сквозь сонныя рѣсницы,
Вижу, вижу вереницы
Бѣлыхъ странныхъ голубей.
Чутко слышу воркованье
И любовное стенанье
Бѣлыхъ, бѣлыхъ голубей.

Мчатся кони луннымъ боромъ,
И своимъ таежнымъ взоромъ
Изъ-подъ мертвенныхъ рѣсницъ,
Я слѣжу за острымъ летомъ,
За таинственнымъ полетомъ
Серебристо-бѣлыхъ птицъ.

III.

ГАГАРА.

Стоитъ шестъ съ гагарой,
Съ убитой вѣщей гагарой;
Опрокинулось тусклое солнце;
По тайгѣ медвѣди бродятъ.
Приходи, любовь моя, приходи!

Я спою о тускломъ солнцѣ,
О любви нашей черной,
О щербатомъ мѣсяцѣ,
Что сожрали голодные волки.
Приходи, любовь моя, приходи!

Я шаманить буду съ бубномъ,
Поцѣлую раскосыя очи,
И согрѣю темныя бедра
На медвѣжьей бѣлой шкурѣ.
Приходи, любовь моя, приходи!

IV.

ТРИ ДОРОГИ.

Три передъ нами дороги вьются,
Смѣются надъ нами,
Цвѣтами
Манятъ вдаль,
Гдѣ трава голубѣетъ
На сонной полянѣ,
Въ обманѣ.

Пойдешь по первой,—
Земля ужалитъ;
По второй,—
Загорится трава подъ ногой,—
А третья—въ тайгу:
Я любовь для нея берегу.

V.

Въ зеленоокой тайгѣ—
Дрема осенняя.
Сонница тихо прильнула
Къ сердцу влюбленному
Черной земли.

Дыханье любви на устахъ,
Рѣсницами томно колышетъ,
Дышитъ желаньемъ во снѣ
Милая Дрема.

И мнѣ, и мнѣ
Дай испить твоей чаши,
Осенней, дурманной.
Дай желаннаго зелья.

А въ багрянцѣ зари
Рѣсницы подымемъ,
И грянетъ веселье.

На червленой дорогѣ
Будемъ мы—какъ цари,
Какъ боги.

СОДЕРЖАНІЕ.

Нѣкоторые стихи, собранные въ этой книгѣ, уже появлялись ранѣе въ журналахъ и альманахахъ. Такъ: стихотвореніе «Изъ Мэтерлинка» было напечатано въ журналѣ «*Новый Путь*»; «Качели» и «И новый день погаснулъ...»—въ «*Вопросахъ Жизни*»; «Зарево», «Пьяный Боръ къ водѣ склонился»... и «Весна»—въ «*Факелахъ*»; «Я на темныхъ поляхъ...», «Вокругъ тайга...», «Прозвенѣла весна...», «О, мать мая! Святая...» — въ «*Перевалѣ*»; «Пастухъ», «Три дороги», «Въ зеленоокой тайгѣ...»—въ «*Корабляхъ*»; циклъ стиховъ «Обрученье»—за исключеніемъ стихотворенія «Бѣглянка»—въ «*Цвѣтникѣ Оръ*»; «Бѣглянка» и отрывки изъ поэмы «Шаманъ»—въ «*Бѣлыхъ Ночахъ*»; «Жатва» и поэма «Весною на Сѣверъ»—въ «*Золотомъ Рунѣ*». Остальные стихи появляются въ печати въ первый разъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

БАГРЯНЫЙ СѢВЪ.

ПЕЧАЛЬ.

ШАМАНЪ.

ОБРУЧЕНІЕ.

СОНЕТЫ.

ВЕСНОЮ НА СѢВЕРЪ.

НА ЧЕРВЛЕНОЙ ДОРОГѢ.

КНИГИ ГЕОРГІЯ ЧУЛКОВА:

«Кремнистый путь». Книга стиховъ и разсказовъ. 1902—1903 г.г. М. К-во В. Саблина.

Мэтерлинкъ. «Двѣнадцать пѣсенъ»—въ переводѣ Георгія Чулкова съ рисунками и обложкой Шарля Дудлэ. Спб. 1905 г. К-во В. Саблина.

«О мистическомъ анархизмѣ»,—со вступит. стат. Вячеслава Иванова. К-во «Факелы». Обложка М. В. Добужинскаго. Спб. 1906.

«Анархическія идеи въ драмахъ Ибсена». К-во «Шиповникъ». Спб. 1907.

«Тайга». Драма въ трехъ актахъ. К-во «Оры». Спб. 1907. Обложка М. В. Добужинскаго.

«Весною на сѣверъ». Книга стиховъ. К-во «Факелы». Спб. 1908. Обложка М. В. Добужинскаго.

КНИГА «ВЕСНОЮ—НА СѢВЕРЪ»

ОТПЕЧАТАНА ВЪ ТИПОГРАФІИ «СИРІУСЪ»

ВЪ ОКТЯБРѢ 1907 ГОДА.

СПБ. СОЛЯНОЙ ПЕР., Д. № 7.

ОБЛОЖКА РАБОТЫ М. В. ДОБУЖИНСКАГО.

ИЗЪ ОБЩАГО ЧИСЛА ЭКЗЕМПЛЯРОВЪ СТО НУМЕРОВАННЫХЪ—
НА БУМАГѢ ЛОЛАНЪ.

